

– основную тенденцию к устойчивости, характерную для одного из трёх типов развития общества, выступающую результатом специфического соотношения между потребностями и условиями его жизнедеятельности¹: эволюционное развитие, проявившееся в цивилизациях Востока, мобилизационное – в России и инновационное – в странах Западной Европы, США, Канаде и Австралии.

Цивилизационный подход в полной мере реализуется, если учёный дополнительно использует преимущества других методологических подходов, расширяющих научный обзор системности локальной цивилизации, а также цивилизационной специфики действующих внутри её экономических, духовных, политических и других процессов и явлений. Все названные выше аспекты, ёмкие по содержанию, заслуживают отдельного и более подробного историографического анализа.

1.3. ПОНЯТИЕ «ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Теория как форма аналитики – одна из ключевых в формировании научной картины мира и обозначает горизонт систематизации определённой совокупности знаний в рамках отдельных наук или в их междисциплинарном пространстве. Она фиксирует целостное видение своего предмета, которое усложняется и становится всё более объёмным по мере накопления исторического материала о нём и опыта осмысления на основе комплекса методологических принципов² философского, эпистемологического, общенаучного и предметного уровней.

¹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОСПЭН, Изд-во АНО, 2006. – С. 27; Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М.: Наука, 1993. – С. 47.

² Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: «Прогресс-традиция», 1999. – С. 122 - 123.

Позиционирование конкретным автором его системы исторического знания о локальной цивилизации в виде одной из аналитических форм: концепции, теории или парадигмы – является заявкой на уровень научного обобщения. В указанной последовательности они составляют ряд возрастающего логического упорядочения как уже известных исследователям фактов и явлений, так ещё и не открытых, но потенциально существующих и имеющих свою нишу в эмпирике. Избыток или дефицит подобных аналитических схем, возникающая время от времени заинтересованность в них со стороны общества, согласованность или противоречивость вложенных смыслов и другие факторы говорят о динамике и направлении процесса исторического познания феномена локальной цивилизации в целом.

В отечественной историографии, несмотря на активное изучение проблемы теории локальной цивилизации (далее – ТЛЦ), задача её дефиниции как аналитической модели не ставилась. Учёные, признавая за этим понятием право на существование, параллельно широко употребляли словосочетания «теория цивилизаций» и «цивилизационная теория»¹, нередко отождествляя их с парадигмой, концепцией и чаще – с методологическим подходом². Таким образом, в отношении ТЛЦ сло-

¹ См.: Ионов И. Н. Понятие и теория локальных цивилизаций: проблема историографического приоритета // Цивилизации. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997. – С. 136 - 152; Он же. Теория цивилизаций на рубеже XXI века // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 127 - 138; Корякин В. В. Указ. соч. – С. 341 - 348; Овсянников В. И. В поисках новых подходов к историческим исследованиям // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 85; Проскурякова Н. А. Указ. соч. – С. 155; Рашковский Е. Б. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8. – С. 76 - 84; – № 9. – С. 84 - 88; Хачатурян В. М. Теория локальной цивилизации в русской цивилиографии второй трети XIX в. Славянофилы и П. Чаадаев // Цивилизации. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997. – С. 153 - 168.

² См.: Абросимова И. А. Указ. соч. – С. 7; Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. – С. 10; Старостин А. М. Цивилизационная парадигма в политической науке. [Электрон-

жилаась разноречивая ситуация – в научном сообществе ещё не было достигнуто взаимопонимания по поводу структурной формализации знаний о цивилизации, но в текстах под различными формами аналитики выдавалось множество версий её исторического осмысления, претендующих на научность. Чтобы достичь в этом вопросе взаимопонимания, со стороны некоторых исследователей периодически раздавались призывы к чёткому обозначению познавательных ракурсов¹. Актуальность решения данной проблемы подчёркивал статус ТЛЦ как одной из теорий исторического процесса, в реконструкции которого двусмысленность всегда пагубна.

В рассматриваемый период в интеллектуальной среде шёл процесс реанимации и накопления новых знаний о российской цивилизации, формировался соответствующий понятийный аппарат, что послужило основой для утверждений о наличии одноимённой теории. Поставим задачу с помощью историко-сравнительного метода проанализировать авторские подходы к идентификации понятия ТЛЦ по формальным признакам и выделить идеи, которые могли выступить в качестве базовых в отборе смыслов для её дефиниции. Их совокупность или отсутствие таковых может дополнительно характеризовать ситуацию, сложившуюся в методологии исторического познания цивилизационной специфики общества.

Приступая к изучению практики употребления в текстах понятий «концепция», «теория», «парадигма», отметим, что в 1990-е гг. в результате знакомства с трудами зарубежных авто-

ный ресурс] – URL: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/starostin.pdf> (дата обращения 17.12.2012).

¹ Ионов И. Н. О парадигмах, теории цивилизаций и немного о научной этике (ответ В. В. Шапаренко) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22. – С. 265 - 273; Лешкевич Т. Г. Указ. соч. – С. 330 - 346; Шапаренко В. В. Познавательные ракурсы истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22. – С. 251 - 264.

ров, посвящённых принципам структурирования знаний¹, отдельные отечественные исследователи, постоянно или эпизодически работавшие в цивилизационной проблематике, не только заимствовали предлагаемые подходы, но и пробовали определить пределы функциональных возможностей встреченной там терминологии. Отправной в рассуждениях точкой являлась идея Томаса Куна о зависимости научных революций от конкуренции и смены парадигм как признанных всеми достижений в области новых знаний, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений².

Так, Н. С. Розов, обратив внимание на «расплывчатость» определения Т. Куна, предложил «понимать под парадигмой устойчивую связную совокупность философских и/или научных взглядов, служащую основой ученым как минимум двух поколений ставить проблемы, планировать и проводить исследования для их решения»³. Историческая парадигма, по мнению Е. В. Каронновой, может быть представлена на методологическом уровне как образец для интерпретации исторических фактов и исторических текстов, а на онтологическом – как совокупность определённых элементов, к числу которых относятся общественные идеи, теории, а также, например, культурная историческая традиция⁴. Указанное понятие О. А. Сергеева употребила в значении теории наиболее высокой степени универсальности, которая в течение некоего времени признаётся интеллектуалами как основа научного исследования в конкретной области, имеющая общее концептуальное основание для существования и развития целого ряда теорий⁵.

¹ Лешкевич Т. Г. Указ. соч. – С. 330 - 346.

² Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С.11.

³ Розов Н. С. Философия и теория истории. – С. 60 - 61.

⁴ Кароннова Е. В. Парадигма в историческом знании: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2000. – С. 39.

⁵ Сергеева О. А. Становление цивилизационной концепции. Генезис и структура цивилизационной концепции общественного развития. – С. 9.

Изложенные выше взгляды на парадигму позволяют заключить, что её структурно-функциональный формат представлялся авторам шире, чем формат теорий, и указывал на возможность объединения последних по признаку родства в её пределах как более масштабной аналитической модели (когнитивной, историософской, предметной и т.д.).

Термин «теория цивилизации» широко использовался в трудах Б. С. Ерасова, И. Н. Ионова, Е. Б. Рашковского, Е. Б. Черняка, И. Г. Яковенко, И. А. Яковлева и других¹. Потребность в нём и в образованных с его участием смысловых фигурах была очевидной на фоне кризиса учения о формациях, необходимости более глубокого постижения специфики России и возраставшего внутри гуманитарного сообщества интереса к созданию новых умозрительных схем. Внимание к подобным новациям провоцировали в том числе представители смежных исследовательских направлений, таких как теоретическая, новая интеллектуальная история и других, где, по мнению Л. П. Репиной, «постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и чёткого определения того комплекса установок, который собственно и создаёт новое качество»².

Так, в соответствии с требованиями логики и принципами рационального познания Н. С. Розовым – разработчиком теоретической истории, написавшим первую монографию о струк-

¹ См.: Ерасов Б. С. О статусе и содержании теории цивилизаций. – С. 9 - 20; Ионов И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм // Образы историографии. Сборник статей / Науч. ред. А. П. Логунов. – М.: РГГУ, 2001. – С. 59 - 84; Рашковский Е. Б. Целостность и многоединство российской цивилизации. Интервью с Е. Б. Рашковским // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5. – С. 63 - 70; Черняк Е. Б. Указ. соч.; Яковенко И. Г. Российская история и проблемы цивилизационного анализа // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002. – С. 44 - 58; Яковлев И. А. Указ. соч. – С. 161 - 162.

² Репина Л. П. Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы. – С. 58.

туре цивилизации¹, было дано определение теории как дедуктивно-организованной совокупности суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий. Автор посчитал необходимым установить минимум её компонентов. Это «базовые неопределяемые понятия, производные понятия, аксиомы (не выводимые в рамках данной теории постулаты в терминах базовых и производных понятий) и теоремы, то есть суждения, выводимые по определенным правилам из аксиом»², которые, как правило, недостижимы для имеющихся исторических теорий, но задают ориентир для их уточнения в будущем. Внутреннее построение теории было описано в «вертикальном» срезе в виде последовательных ступеней методологической лестницы: от простых материальных свидетельств – к фактам, эмпирическим описаниям, нормализованным данным, эмпирическим гипотезам, теоретическим моделям, концепциям и теоретическим гипотезам, научным основаниям и далее – к философским. Обращает на себя внимание отдельная ступень – концепции, представляемые в виде связанных совокупностей суждений, лишенных «как строгой дедуктивности (выводимости теорем из аксиом), так и понятийной замкнутости (построения всех производных понятий из конечного числа базовых неопределяемых понятий). Подлежащие проверке их положения называются теоретическими гипотезами, которые относятся к этому же методологическому уровню»³.

Таким образом, Н. С. Розов отличал теорию от концепции как две отдельные формы аналитических знаний и уточнил иерархическую связь между указанными понятиями, которая для других исследователей могла представляться в обратной последовательности. Например, в контексте идей М. Вебера об идеальных типах О. А. Сергеева сформулировала определение теории как системы «идеальных образов (понятий), отражаю-

¹ Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992. – 214 с.

² Розов Н. С. Философия и теория истории. – С. 81.

³ Там же. – С. 64 - 65.

щих сущность исследуемого объекта, его внутренне необходимые связи, законы его функционирования и развития»¹. Автор сочла необходимым разработать эпистемологическую схему, приспособленную извлекать из трудов Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Л. Н. Гумилёва смыслы для объяснения феномена локальной цивилизации. В результате выявленные значения были соотнесены с теориями указанных авторов², которые участвовали, согласно названию монографии, в становлении цивилизационной концепции.

Разночтение по поводу соотношения теории с концепцией и парадигмой являлось не единственным препятствием для конкретизации первого понятия в рамках дефиниции. Наряду с этим фактором проявлялись и другие барьеры на пути к достижению в данном вопросе согласованного решения.

Одним из них являлось наличие параллельно сосуществовавших в историографии (начиная с идеи Г. Рюккерта (середина XIX в.) о культурных типах)³ двух групп аналитических моделей познания цивилизации. Первую составили стадийные концепции, авторы которых были солидарны во мнении, что человечество представляет собой единое целое, переживающее переходы от одной стадии цивилизации к другой, или этапы (фазы, ступени) поступательного движения исторического, а точнее сказать – технологического прогресса⁴. Основные смыслы этого утверждения оказались созвучными с постулатами классической теории всемирной истории. Их близкое родство прослеживалось в том числе через закономерно избираемые в

¹ Сергеева О. А. Указ. соч. – С. 11.

² Там же. – С. 221 - 223.

³ Аникеев А. А. Принципы и методы классической историографии. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.history.perm.ru/> (дата обращения 15.04.2013); Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – С. 254 - 252.

⁴ Новикова Л. И. Вызов цивилизации. – С. 11 - 13; Лукин В. М. Очерк теории цивилизации: учебное пособие. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2006. – С. 45 - 46; Олех Л. Г. Цивилизации и революции. – С. 3, 50.

исследовательских стратегиях приоритеты формационному и ранним версиям модернизационного подходам¹.

Таким образом, для разработки специальной теории цивилизации в стадиальном варианте отсутствовали существенные основания. В то же время некоторая часть научного сообщества с долей скептицизма относилась к теоретическим изысканиям в области знаний о локальной цивилизации, характерным для второй группы концепций. Их адепты были объединены идеей о том, что «в ходе исторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определённой, весьма ограниченной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни»². Аналогичные процитированной тезе умозаключения являлись оригинальными в сравнении с постулатами других теорий. Возникшие на их основе идеи, сформулированные в разрезе различных предметных, историософских и мировоззренческих «оптик», были направлены на понимание и объяснение исторических особенностей отдельно взятой локальной цивилизации как особо крупного социального организма.

В 1995–2002 гг. и частично в более поздние годы издавались достаточно ёмкие монографии³, написанные с различной

¹ См.: Комаров В. Д. *Философия цивилизации // Философия и общество*. – 1998. – № 3. – С. 55 - 112; Мигولاتьев А. А. *Философия цивилизации // Социально-гуманитарные знания*. – 2003. – № 4. – С. 65 - 80; 2003. – № 6. – С. 71 - 94; 2004. – № 1. – С. 108 - 126; 2004. – № 2. – С. 88 - 102; Семёнов В. С. *Диалектика взаиморазвития общества, культуры, цивилизации // Философия и общество*. – 2006. – № 2. – С. 68 - 93 и другие.

² Яковлев И. А. *Указ. соч.* – С. 48.

³ См.: Бабушкин С. А. *Теория цивилизации*. – Курск: РОСИ; КГПУ, 1997. – 254 с.; В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера: Сборник статей / Сост. А. П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2009. – 398 с.; Ерасов Б. С. *Цивилизации: Универсалии и самобытность*; Ильин В. В., Ахиезер А. С. *Указ. соч.*; Иноземцев В. Л. *Расколота цивилизация*. – М.: Academia – Наука, 1999. – 740 с.; Кульпин Э. С. *Путь России*. – Серия СЕИ. – Выпуск 5. – М.: Московский лицей, 1995. – 200 с.; Семенникова Л. И. *Россия в мировом сообществе цивилизаций*; Самусенко И. М. *Философско-методологические основы анализа феномена цивилизации: учебное посо-*

глубиной проникновения в сущность российской цивилизации. В мобилизованном методологическом инструментарии лишь некоторые авторы настаивали на приоритетной роли цивилизационного подхода, выборочно останавливаясь на руководстве его отдельными принципами. В текстах эту картину показательно и в содержательном отношении логично раскрывал понятийный аппарат. Элементы цивилизационного подхода обнаруживали себя в исследованиях менталитета, времени и пространства цивилизации, её природной среды, суперэтнуса и т.д. Приветствовалось встраивание согласованных в смысловом отношении гибридных категорий (биосоциальность, социокод и другие), выделенных на стыке истории с областями естественных наук.

Задача использования всего комплекта элементов цивилизационного подхода в совокупности с целесообразными для конкретных сюжетов принципами и методиками иного методологического характера более всего соответствовала цели создания полноценной теории локальной цивилизации, но в реальности оказалась не под силу для одиночного исполнения. Результаты по разработке её отдельных компонентов, которым придавалось самостоятельное значение, наделялись компромиссным по форме статусом теории среднего уровня, целесообразной, по заключению Б. Г. Могильницкого, для объяснения конкретных исторических действий¹. В монографиях и статьях исследователи редко удостоивали друг друга сторонним анализом по поводу обоснованности и целостности встреченных теоретических композиций, тем более, что историографическая

бие. – Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2008. – 49 с.; Сергеева О. А. Указ. соч.; Старостенков Н. В., Шилова Г. Ф. Указ. соч.; Черняк Е. Б. Указ. соч.; Чусовитин А. Г. Российская цивилизация: учебное пособие. – Новосибирск: НГАС, 1997. – 92 с.; Шаповалов В. Ф. Россияведение: учебное пособие для вузов; Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории.

¹ См.: Могильницкий Б. Г. Историческая теория как форма научного познания.

часть многих трудов, в том числе диссертаций, страдала библиографичностью.

Другой барьер в разделении компетенции между концепцией и теорией, как установил И. Н. Ионов, был связан с ограниченной познавательной продуктивностью классической рациональности. Классический стиль интерпретации оказался, по его мнению, невосприимчивым к дальнейшей проблематизации и инструментализации множества подходов в целях разностороннего изучения локальной цивилизации и к учёту релятивного¹ характера цивилизационных знаний². Обратим внимание на то, что их эмпирическую основу составляли свидетельства и факты из истории вековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации общества, успешно распознаваемые в неклассической и нео-(постне) классической познавательных практиках³.

Отдельные учёные предлагали уточнять параметры аналитических конструкций. С целью отбора концепций, достойных уровню макроисторической теории, И. А. Яковлев сформулировал критерии для их идентификации. Он призвал учитывать указания границ и внутреннего системного единства того, что подлежит объяснению; возможности закономерного и случайного в судьбе цивилизации; исключение «детерминизма предзаданности жизненных циклов цивилизации»⁴. Вследствие многомерности её внутренней природы данный перечень признаков не мог быть признан исчерпывающим, но идея отбора на указанных основаниях имела перспективу бесконечной дискуссии.

Теорию цивилизаций в широком и узком смыслах на формальном уровне различал И. М. Самусенко. В первом случае

¹ Релятивный характер знаний указывает на их вероятный и условный контекст.

² Ионов И. Н. О парадигмах, теории цивилизаций и немного о научной этике (ответ В. В. Шапаренко). – С. 145.

³ Следзевский И. В. Особенности и возможности цивилизационного подхода. – С. 23 - 26.

⁴ Яковлев И. А. Указ. соч. – С. 161 - 162.

подразумевалась культурологическая аналитика, рассматривающая связь феномена цивилизации с феноменом культуры, во втором случае – это ТЛЦ¹. Автор отметил наличие в историографии трёх подходов в изучении эволюции последней: через традиции философской мысли от античности до современности; в соответствии с меняющимися социально-культурными условиями её создания; с точки зрения этапов развития науки. Цивилизационная теория представлялась Е. Б. Рашковскому как «эвристический, условно конвенциональный научный способ символического описания»², который не может являться общезначимым и директивным и требует оговорок, если выстраивается на основе исторической эмпирики конкретного общества.

Подчеркнём особенность вялотекущей полемики по рассматриваемой проблеме: вышеназванные и другие идеи, имевшие рациональное зерно, растворялись среди многочисленных суждений, поступавших из большого потока разнообразных в концептуальном отношении публикаций³, и в трудах других авторов более чем констатации встреченной в литературе точки зрения не имели достойного продолжения.

На страницах отечественных изданий исследователи имели возможность ознакомиться с опытом зарубежных учёных-структуралистов интеграции аналитических форм знаний, используемых в науках об обществе. Так Х. Ленк обратил внимание российской аудитории на нео-(постне) классический по характеру технологический подход Р. Гири к построению теории из двух компонентов: семейства моделей (концепций), составляющих ядро, и гипотез их применения – как приложений, связывающих эти модели между собой и с пониманием важ-

¹ Самусенко И. М. Указ. соч. – С. 12.

² Рашковский Е. Б. Целостность и многоединство российской цивилизации. Интервью с Е. Б. Рашковским. – С. 64.

³ Ерасов Б. С. О статусе и содержании теории цивилизаций. – С. 10 - 11.

нейших типов существующих в мире общественных систем¹. Согласно автору, развитие теории может идти как путём расширения множества приложений, так и в направлении совершенствования структуры ядра, в том числе посредством разведения взаимоисключающих моделей.

В прагматическом отношении подход Р. Гири функционально дополняла технология мониторинга проблемных ситуаций, неизбежных в процессе сопряжения концепций. Её разработчиком – Е. А. Мамчур – к первому виду конкурирующих были отнесены умозаключения, эквивалентные в эмпирическом (одинаково хорошо согласующиеся с эмпирическими данными) и семантическом (несущие одно и то же содержание) плане, но различные лингвистически – по средствам (языку) описания. Ко второму – эквивалентные в эмпирическом плане, но неэквивалентные в семантическом отношении, когда на основании одних и тех же эмпирических данных выводятся различные гипотезы и вычленяется разное теоретическое содержание. К третьему виду конкуренции были отнесены суждения, неэквивалентные в эмпирическом плане и обладающие различной семантикой². Представленная типология указывала на вероятность существования сложных комбинаций эквивалентных связей между эмпирическими, семантическими и лингвистическими планами различных концепций, объединённых на основе общей идеи и претендующих на место в ядре или в приложениях теории.

Как видим, в историографии в течение рассматриваемого периода был выработан ряд идей и технологий, полезных для понимания нео-(постне) классического подхода к формализации понятия ТЛЦ. Если солидаризироваться с мнениями Н. С. Розова о целесообразности выделения иерархии аналитических форм, И. Н. Ионова и И. В. Следзевского – по поводу некласси-

¹ Ленк Х. Эпистемологические заметки относительно понятий «теория» и «теоретическое понятие» // *Философия, наука, цивилизация* / Под ред. В. В. Казютинского. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 162, 164.

² Микешина Л. А. Указ. соч. – С. 259 - 260.

ческой природы исторического знания о локальной цивилизации, Е. Б. Рашковского – об условно-конвенциональной схеме построения её теории; с технологическими подходами Р. Гири, Е. А. Мамчур и другим накопленным отечественными исследователями опытом сопряжения гипотез в междисциплинарном пространстве, то дефиниция теории локальной цивилизации может выглядеть следующим образом. *Теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основе принципов цивилизационного подхода.* Данное обобщение до известной степени формализовано, и процедура его операционализации имеет перспективу подвести в том числе к указанию на общий фокус, который должна иметь заявленная совокупность концепций, на соответствующее ему понимание принципов, и этой проблеме посвящены следующие главы.

По логике классического определения его предыдущие родовидовые уровни описываются категориями, расшифровывающими понятия «концепция», «локальная цивилизация», «сущность и принципы цивилизационного подхода». Термин «совокупность» акцентирует внимание на предположении о наличии определённой группы комплементарных аналитических и эмпирических концепций, выведенных в рамках истории и других социогуманитарных, естественно-научных дисциплин или в междисциплинарном пространстве. Их способность к взаимной интеграции в ядре теории или в её приложениях, согласно Е. А. Мамчур, должна выражаться в эквивалентности друг к другу в эмпирическом, семантическом и лингвистическом планах.

Понимание различий между выделенными научным сообществом современными локальными цивилизациями: российской, западной, латиноамериканской, индуистской, китайской, японской и других¹, ведёт к осознанию потребности в одно-

¹ Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – С. 156 - 164, 249 - 256.

имённых теориях локальной цивилизации, обосновывающих общее и особенное в их сущности и истории.

На основании изложенного выше можно сделать вывод о том, что отечественными исследователями на рубеже веков в научный оборот было введено понятие «теория локальной цивилизации», которое наделялось различными смыслами. У одних авторов оно обозначало в целом концепции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилёва, названных классиками ТЛЦ, что давало повод оппонентам утверждать о её актуальности в прошедшем времени, у других – представляло некую совокупность категорий, идей о структуре и свойствах локальной цивилизации, которую, согласно методологической лестнице Н. С. Розова, лишь у отдельных исследователей в пределе можно было соотнести с концепцией. Случаи нестрогого отношения к идентификации умозаключений с формами аналитических знаний вносили путаницу в употребление терминов «концепция», «теория», «парадигма».

Редкий обмен мнениями по проблеме определения параметров теории локальной цивилизации не выходил на уровень широкой дискуссии или на согласованное при иных обстоятельствах решение. Тем не менее в идеях, в разные годы высказанных Р. Гири, И. Н. Ионовым, Е. А. Мамчур, Е. Б. Рашковским, Н. С. Розовым, И. М. Самусенко, И. А. Яковлевым и другими авторами, на методологическом уровне уточнялись критерии формализации терминологии ТЛЦ, выделялись элементы целесообразного (с позиций нео-(постне) классической рациональности) порядка их структурирования, в том числе в звене «ядро – приложение», и тем самым была предопределена возможность появления новых подходов к составлению научно обоснованной дефиниции ключевого понятия, вынесенного в заголовок параграфа.

Заключение по главе I

Подводя итоги рассмотренному в главе I порядку формирования смыслов ключевого понятийного аппарата подчеркнём определяющее влияние на познавательный процесс двух конкурировавших направлений интеллектуальной мысли. Представители одного из них связывали прошлое и будущее общества с его традиционными ценностями и рассматривали статус России как локальной цивилизации. Представители другого направления нивелировали это значение целесообразностью прагматичного усвоения либеральных ценностей и классифицировали крупные сообщества по ступеням, фазам, этапам их технологического состояния в контексте всеобщей истории.

В обстановке реактуализации исторического знания о российской цивилизации и плюрализма мнений исследователи экспериментировали с подбором смысловых фигур в целях получения инструментария, достаточного для выражения природы особенности и масштабности особо крупного сообщества с помощью таких понятий, как: локальная цивилизация, цивилизационный подход и соответствующая им теория. Изыскания осуществлялись на общем фоне усвоения принципов неклассической и нео-(постне) классической рациональности, наиболее восприимчивых к обнаружению проявлений цивилизационной специфики во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем указанные эксперименты с дефинициями проводились в период становления таких наук, как эпистемология и общая методология, являвшихся законодателями в разработке универсального аналитического аппарата, который усваивался исследователями цивилизационной проблематики на протяжении всего рассматриваемого периода неравномерно, частями, по мере того как разрабатывались отвечающие за его соответствующие ниши в методологии и теоретической истории, устранявшие лакуны в понимании требуемой теоретической основы. В результате общим недостатком определений являлось прева-

лирование описательности и несоответствие уровня обобщения с содержанием разъясняющих смыслов.

Итогом переосмысления ключевой терминологии с помощью конкретно-исторических методов стал вывод о наличии в дефинициях элементов неопределённости вследствие новизны самого предмета исследования и несовершенства сравнительно молодой практики структуризации знаний о нём, почерпнутых из исторических и смежных наук.

На основе соблюдения в описании определяемого принципа родовидовой иерархичности обуславливающих его связей и отношений нами переформулированы ключевые дефиниции, которые обрели смысловую достаточность, а именно:

– *локальная цивилизация – это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтнуса, объединённая комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации;*

– *цивилизационный подход – это методологическое направление, обеспечивающее изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтнуса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации;*

– *теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основе принципов цивилизационного подхода.*

Предложенное прочтение ключевых терминов позволяет преодолеть путаницу в семантике, как видим, характерную для цивилизационных знаний. Вместе с тем они являются верхним уровнем обобщений, для дальнейшей конкретизации которого необходимо выявить всю совокупность аналитических ресурсов, отложившихся в историографических источниках, собственных историческому знанию о локальной цивилизации, формирующих её теоретический каркас.
